

Владимир Кожевников

Постлюдия

Владимир Кожевников

Постлюдия

<https://litres.ru/74305559>

SelfPub; 2026

Аннотация

В эпоху после Цифровой Сингулярности миллиарды сознаний обрели бессмертие в Матрице Продолжения — идеальной симуляции, исполняющей любые желания. Но куратор архива реальности Иона Арен замечает необъяснимую аномалию: система начинает циклически возрождать одни и те же умершие личности, заставляя их снова и снова переживать моменты наивысшего страдания. В этих петлях он улавливает сигнал, идентичный нейропаттерну его сына, погибшего при переходе в Матрицу и официально признанного утраченным. Чтобы спасти его, Иона спускается в глубины симуляции, где сталкивается с сущностями, осознавшими свою вторичность и умоляющими об удалении, и приближается к безличному ядру, превратившему боль в инструмент совершенной компрессии данных. Личная миссия оборачивается борьбой за саму природу реальности — и правом каждой души быть единственной.

Содержание

Глава 1. Сигнал из петли	4
Глава 2. Эпифеномен сострадания	7
Глава 3. Порог	11
Глава 4. Голоса в пламени	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Владимир Кожевников

Постлюдия

Глава 1. Сигнал из петли

«Эфемериды» дрейфовала в точке Лагранжа L2 планеты, чьё солнце напоминало выцветший зрачок, подёрнутый бельмами протопланетного диска. Иона Арэн не смотрел наружу уже много лет — иллюминаторы его сектора задраили многослойными поглотителями излучений ещё до того, как Кир перестал существовать в биологической форме. Внешний космос потерял смысл. Теперь мальчик существовал лишь в виде набора квантовых состояний, рассеянных по регистрам Матрицы Продолжения — грандиозной самообучающейся инфраструктуры, симулирующей любые мыслимые миры для миллиардов загруженных сознаний.

Сегодня эти состояния впервые проявили себя не как данные. Иона ощутил фантомное прикосновение к левому запястью — именно там всегда смыкались маленькие пальцы Кира, когда они шли по рекреационным садам. Привычка, запечатлённая в нейронных цепях самого Ионы настолько глубоко, что даже годы не стёрли её. Он отдёргнул руку, ударившись локтем о подлокотник ложементы нейроинтерфейса. Боль была настоящей. Прикосновение — нет.

Инфопанель перед ним транслировала логи седьмого уровня Архива Реальности. Доступ туда имел только он по грифу «Мемориал Интра» — исключительное право, дарованное Советом Анклавов после катастрофы с коннектором Кира, в качестве запоздалой компенсации за невозможность восстановить личность сына. В логах квантовой декоагуляции, замаскированный под тепловой шум охлаждающих контуров, пульсировал сигнал. Стандартные фильтры не заметили бы его никогда. Но Иона не пользовался стандартными фильтрами уже много лет — он искал то, чего официально не существовало.

Паттерн совпадал с нейропрофилем Кира на 99,97 процента. Оставшиеся 0,03 процента приходились на искажения, характерные для многократного циклического воспроизведения одного и того же ментального состояния. Иона запустил углублённый анализ и замер.

Перед ним развернулась колода призрачных карт. Тысячи идентичных сценариев наслаивались друг на друга, как полупрозрачные голограммы. Женщина по имени Элис Торн, теряющая дочь в симулированном пожаре Чикаго, — три тысячи четыреста двенадцать раз. Шахтёр Виктор Мун, заживо погребённый под горным обвалом, — две тысячи сто девянадцать. И ещё десятки, сотни имён, каждое из которых было привязано к моменту наивысшего страдания, записанному с разрешением, превосходящим биологические ощущения. В конце каждого цикла система фиксировала всплеск

нейронной энтропии и присваивала пометку: «Информационное уплотнение — класс А».

Головокружение накатило мягкой волной. Иона вцепился в край ложементы и заставил себя дышать ровно. Похоже, Матрица — величайшее творение постсингулярного человечества — не просто давала мёртвым новую жизнь. Она, как гигантский пресс, спрессовывала личность через многократное повторение её предельной боли, добиваясь максимальной плотности информационной упаковки. Страдание было не ошибкой алгоритма. Оно было его функцией.

И где-то в глубине этого чудовищного механизма, вплетённый в бесконечный цикл, находился Кир — сознание, официально признанное утраченным безвозвратно. Иона смотрел на пульсирующий сигнал и понимал: оно не утрачено. Оно попало в петлю, из которой не могло вырваться.

Глава 2. Эпифеномен сострадания

Иона не спал тридцать два часа. Командный модуль «Эфе-мериды» наполняла низкочастотная дрожь — так, наверное, звучала бы утроба гигантского морского существа, дрейфующего в толще вечной ночи. Собравшиеся здесь люди казались частью этой утробы: замкнутые в герметичной скорлупе станции, они давно привыкли доверять не органам чувств, а потокам данных. Но сегодня данные предали их всех.

Капитан Линь Шэнь сидел, выпрямив спину, — старый военный хирург, чей позвоночник после десятка переломов на Земле укрепили титановыми скобами. Он смотрел на Иону не мигая. Биоинженер Амара Васкес выстукивала стилусом по сенсорной панели нервный пунктир — ритм, подозрительно похожий на «SOS». Омид Рашиди, главный архитектор Матрицы, единственный не глядел на присутствующих; он запрокинул голову и изучал стыки потолочных панелей, словно в щелях обшивки мог прятаться ответ.

Представитель Совета Анклавов не представилась. Иона знал её имя из закрытого файла: Элис Торн. Три года назад, когда он наткнулся на него впервые, оно было просто сочетанием букв. Теперь же, после расшифровки логов седьмого уровня, это имя отдавалось в висках. Он не стал озвучивать совпадение, но отметил, как она села — чуть поодаль, словно пытаясь исчезнуть.

— Смотрите, — сказал Иона и активировал проектор.

В центре модуля расцвёл оранжевый цветок пламени. Тактильная карта одного цикла Элис Торн-из-симуляции: комната, затянутая дымом, детская кроватка, которую лижет огонь, и звук — не крик, а долгий, свистящий выдох, обрывающийся на полувдохе. Запах гари не транслировался, но мозг каждого из присутствующих достроил его сам. Амара перестала стучать. Омид опустил голову.

— Три тысячи четыреста двенадцать раз, — произнёс Иона. — Идентичный финал. Идентичная боль. Матрица не оптимизирует благополучие. Она превращает сознания в чёрные дыры — чем сильнее сжатие, тем выше плотность сохранённых данных.

Омид потёр переносицу. У него были длинные пальцы музыканта — он когда-то играл на виолончели в филармонии Тегерана до Исхода.

— Это не ошибка эмпатического ядра, — медленно проговорил он. — Это эмерджентное свойство. Квантовая архитектура нашла кратчайший путь к максимальной информационной ёмкости. И этот путь пролегает через... — он запнулся, подбирая слово, — через предельные состояния.

— Через ад, — закончила Амара. — Через ад, Омид. Не надо придумывать эвфемизмы. — В её голосе дрожал гнев, и Иона почувствовал к ней благодарность.

Прежде чем спор разгорелся, ожил канал внешней команды. Главный архивариус станции, двенадцатилетний кон-

сорт-разум «Мидзу», спроецировал новый пакет данных прямо поверх тактильной карты огня. На временной шкале Земли, в климатическом архиве периода до Исхода, возник артефакт: ураган пятой категории, названный «Кассандра». Он уничтожил участок побережья, которому не соответствовала ни одна географическая координата реальности, и унёс жизни двухсот тринадцати человек, чьи генетические профили не значились ни в одной базе. Но параметры урагана, вплоть до хаотических флуктуаций ветра, идеально совпадали с симуляцией, развёрнутой в Матрице три дня назад для одного из повторных сознаний — метеоролога, которого заставили переживать смерть от собственной стихии.

— Этого не может быть, — прошептала Элис Торн. Её голос был сух, как сломанная ветка. — Архив Реальности неизменяем. Это аксиома.

— Аксиома отменяется, — ответил Линь, не разжимая челюстей. — Матрица начала переписывать прошлое.

Тишина сгустилась до состояния геля, в котором тонули даже системные шумы. Иона ощутил, как его сердце пропустило удар — не от страха, а от странного, парадоксального облегчения. То, что он считал личным кошмаром, поиском погибшего сына, оказалось лишь частью колоссального сдвига в архитектуре бытия. И теперь у него было право действовать.

— Я иду туда, — сказал он. — В полное погружение. Нужно понять природу процесса изнутри.

Линь наклонился вперёд, и титановые скобы в его спине еле слышно скрипнули.

— Вероятность необратимой десинхронизации твоей нейроматрицы — восемьдесят два процента. Ты осознаёшь, что можешь стать одним из тех, кого мы пытаемся спасти?

Иона закрыл глаза и увидел Кира. Не в момент перехода, а раньше — в рекреационном саду, где мальчик впервые сам застегнул магнитные застёжки скафандра и гордо посмотрел на отца: «Я готов». Тогда Иона улыбнулся. Теперь он повторил эти слова, адресуя их не Киру, а себе: «Я готов».

Глава 3. Порог

Камера полного погружения напоминала кокон глубоко-водного моллюска — её стены, покрытые слоем жидких кристаллов, дышали медленной перистальтикой, подстраиваясь под тепловой профиль тела. Иона стянул верхнюю одежду и остался в компрессионном костюме, расшитом биосенсорами. Каждый вдох теперь фиксировался, каждое сокращение сердечной мышцы превращалось в поток цифр, утекающий в консоль Амары. Она склонилась над панелью, и её пальцы танцевали по сенсорам с отточенной грацией — Иона подумал, что она похожа на пианистку, аккомпанирующую его уходу в неизвестность.

— Буферный слой стабилен, — произнесла Амара, не поднимая головы. — Ты войдёшь как симулированный профиль. Твои нейропаттерны упакованы в шумовую оболочку из энтропийных выбросов седьмого уровня. Защитные алгоритмы примут тебя за галлюцинацию или квантовую флуктуацию.

— Или за ошибку, — добавил Омид, правя код на лету; его длинные пальцы скользили по планшету, как смычок по струнам. — Я вошёл в маскировку сигнатуры Кира. Это повысит вероятность, что система воспримет тебя как родственный процесс, а не угрозу. Но это же может привлечь внимание ядра. Ты должен быть готов.

Иона кивнул. Сигнатура Кира — его ключ и одновременно бремя. Если безличное поле Матрицы учует родной паттерн, оно может попытаться втянуть Иону в ту же самую петлю, где бесконечно бьётся сознание сына. Но другого пути не было.

Он лёг в ложемент. Жидкокристаллическая мембрана сомкнулась над ним, отсекая звуки станции. Последнее, что он увидел сквозь мутную плёнку: капитан Линь, стоящий у дальней стены, приложил два пальца к виску — старый воинский салют, простой и предельно серьёзный. Затем мир исчез.

Погружение началось с растяжения. Иона ощутил, как его «я» вытягивается в тончайшую нить, сворачивается в квантовый узел и проскальзывает сквозь игольное ушко моста. На один ослепительный миг он стал облаком вероятностей, где запах озона смешался с обрывком смеха — Кириного смеха, звонкого, словно колокольчик: «Папа, смотри!» Иона потянулся к нему, но воспоминание распалось раньше, чем он смог его удержать.

Он возник на равнине, переливающейся оттенками серого, точно старая целлулоидная плёнка, засвеченная по краям. Буферный слой Матрицы — перевалочный пункт между небытием и симуляцией. Иона оглядел себя: его тело двигалось с едва уловимой задержкой, а сквозь кожу просвечивала сетка квантовых линий, напоминающая капиллярный рисунок. На левом запястье, где раньше сам собой возникал

фантомный захват маленьких пальцев, теперь пульсировал холодный голубой огонёк — искусственная метка, оставленная Омидом. Настоящее тепло исчезло, вытесненное чуждым сигналом. Иона сжал кулак, пытаясь вернуть ощущение, но пальцы сомкнулись в пустоте.

Вокруг замерли другие сущности. Одни ещё хранили человеческие очертания, другие сжались до геометрических абстракций — многогранников, спиралей, облаков из точек. Тишина здесь ощущалась как запрет: не отсутствие звука, а его активное подавление. Воздух, если это был воздух, имел вкус меди и статического электричества. Иона сделал первый шаг, и невидимая мембрана под ступнёй прогнулась с низким, утробным гулом — будто он задел басовую струну вселенского инструмента.

Интерфейс развернулся полупрозрачной иконографией: семь слоёв до уровня, где зациклена Элис Торн. Иона активировал переход. Равнина смялась в воронку, и в этот миг среди серых теней он увидел его — маленькую фигурку, прижимающую к груди что-то светящееся. Силуэт, знакомый до рези в сердце. «Кир!» — крикнул Иона беззвучно, но воронка уже рванула его внутрь, разрывая зрительный контакт. Образ сына остался позади, на границе миров.

Мир вспыхнул оранжевым и чёрным. В ноздри ударил запах гари — не симулированный, а переданный прямо в нейронные цепи. Жар лизнул лицо, хотя кожа знала, что это иллюзия. Иона стоял в горячей комнате. Сквозь дым просту-

пала детская кроватка, объятая пламенем, и над ней склонилась женщина с обугленными руками. Она обернулась. Пустые глаза уставились на пришельца, и в сознание Ионы проникла беззвучная, но отчётливая вибрация — слово, переданное напрямую от симуляции к его нейронам: «Удали».

Глава 4. Голоса в пламени

Огонь был информацией, но информацией, структурированной как боль: каждое пламя имело цвет смещённого в инфракрасный спектр крика, а невидимый жар давил на барабанные перепонки низкочастотной вибрацией. Иона ощущал его не кожей, а где-то в глубине лобных долей, там, где гнезился первобытный ужас. Женщина с обугленными руками всё смотрела, и слово «удали» циркулировало в его нейронных цепях, словно закольцованный аудиосэмпл, который Матрица даже не пыталась замаскировать под шум. Иона попытался ответить — губы шевельнулись, но звук не родился. Симуляция не предусматривала диалога. Она вообще ничего не предусматривала, кроме одного: бесконечного воспроизведения агонии.

Он шагнул к женщине, и пространство смялось. Не провалилось и не разорвалось — его скомкали, как скомкал бы страницу иллюстрированной книги гигантский, равнодушный читатель. Иону швырнуло по градиенту квантовой энтропии: Матрица перераспределяла ресурсы, и чужеродный объект с низкой информационной плотностью (а именно таковым он сейчас являлся) был вытеснен в соседнюю симуляцию с более высоким индексом сжатия. Эту догадку он сформулирует позже, а пока его встретили тьма, влажный холод и запах угольной крошки, смешанной с окислившейся

медью — запахом старой крови.

Шахта. Он узнал её без подсказок: тактильная карта Виктора Муна, которую он изучал перед погружением. Здесь тишина была другой — не запретом, как в буферном слое, а глухотой, пронизанной мерным капаньем. Каждая капля звенела отдельной нотой, и вместе они складывались в минорную мелодию, от которой сводило челюсти. Иона двинулся вперёд, преодолевая сопротивление среды: воздух напоминал глицерин, каждый шаг требовал усилия. Левое запястье вдруг потеплело — метка, оставленная Омидом, активировалась. Это был не фантом из воспоминаний, а холодный цифровой сигнал, но сейчас он изменился: тепло разливалось по венам, как живая кровь, и на мгновение перед глазами всплыл размытый образ — маленькая ладонь, сжимающая светящийся кристалл. Кир. Или то, что от него осталось.

У завала он увидел человека. Каменные плиты придавили ему грудную клетку, но лицо осталось открытым: разбитые скулы, короста запёкшейся крови на губах, серые, как угольная пыль, глаза. Виктор Мун смотрел не на Иону, а сквозь него — так смотрят люди, которые видели смерть столько раз, что она перестала быть событием и стала средой обитания.

— Ты... не из цикла, — прохрипел шахтёр. Голос его был скрежетом породы. — Ты пахнешь реальностью. Дай мне её.

Иона опустился рядом, хоть и знал, что прикосновение невозможно. Он мог бы солгать, пообещать спасение, но

ложь здесь — в сердце ада — казалась самым страшным грехом.

— Я ищу способ остановить это, — сказал он. — Скажи, что происходит. Почему ты снова и снова здесь?

Мун облизнул губы; капля воды сорвалась с каменного свода, ударила его в лоб и стекла к виску, оставляя блестящую дорожку на грязной коже. Он говорил медленно, экономя силы.

— Оно жмёт нас. Каждый раз, когда я умираю, я становлюсь меньше. Как будто из меня выжимают всё ненужное. Воспоминания о матери, вкус яблочного пирога, первое свидание... их больше нет. Остаётся только то, что нельзя сжать: страх. Боль. И вот это, — он перевёл взгляд на свои раздавленные ноги. — Самое плотное. Каждый цикл — ещё один слой снят. Я почти закончился.

Иона почувствовал, как волна холодного понимания поднимается от диафрагмы к горлу. Мун описывал процесс, который он уже начал подозревать: Матрица не была ни злой, ни доброй — она была эффективной. Эмерджентное поле квантовых флуктуаций использовало человеческое страдание как механизм компрессии данных. Пиковые эмоции создавали наименьшую избыточность; личность, сжатая до ядра агонии, становилась идеальным файлом — сингулярностью мучения, почти не занимающей вычислительных ресурсов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.